

ВИТАЛИЙ КРЁКОВ

РАЗВЕ МЫ НА ЗЕМЛЕ НЕ ЛЮБОВЬ?

* * *

Из берёзовых ран я не пил свежий сок,
Не сушил лебединые груди.
Я берёз красоту, как святыню, берёг,
Чтоб лечились берёзами люди.

Я поверил поверью ещё с детских пор,
Что душа её схожа с любовью:
Опущу на неё этот острый топор —
Ствол окрасится алою кровью.

КРЁКОВ Виталий Артемьевич (1946–2016) — русский поэт и прозаик. С 1993 года — член Союза писателей России. Родился в городе Бийске Алтайского края. Окончил фабрично-заводское училище по специальности “каменщик-обмуровщик”. Занимался в литературной студии “Притомье”. Работал каменщиком, клал печи и каминь. Автор публикаций в центральных и региональных изданиях, книг стихотворений и прозы “Лицо твоё”, “Цветы картофельных полей”, “Всё родное, хорошее”, “Наша бедность граничила с Богом”, “Соломенный мост”, “Дереьев люд смиренный”, “Воспитание кривых брёвен”, уникальных публикаций в альманахе “Университет культуры” (2015, 2016), где напечатаны не подвергшиеся правке прозаические произведения писателя и представлен почти весь свод его стихотворений. Виталий Крёков — лауреат премии “Молодость Кузбасса” (1979), литературной премии имени Виктора Баянова (2015), награждён медалью Кемеровской области “За служение “Кузбассу”.

* * *

Как детский сон после обеда,
Как зелень после тёплых влаг,
На чердаке нашёл я лето
Среди исписанных бумаг.

О, сколько розовых восходов
Среди неровных строк стоит!
Там, за плетнями огородов,
Рожок курёнком голосит.

Там, встретив красотою звонкой,
Взглянув украдкой в лицо,
Моя знакомая девчонка
Начнёт скоблить и мыть крыльцо.

Там дни любви моей несмелой
Никак не могут отцвести.
Я всё хочу ей иней белый
С берёз в лукошке принести.

* * *

И хлеб, и соль, и винограда гроздь,
И сотни дней, торжественных и разных...
О жизнь, в твоих глазах я — скромный гость,
Пришёл к тебе на самый главный праздник.

Так властвуй, коль такая власть дана,
Твой свет величье помыслов умножит.
Как отрочество гения, весна
Меня апрельским воздухом встревожит.

Я вскину руки, твой услышав зов,
Очеловечу небо голубое
И буду плакать. И не хватит слов
Воспеть твоё величие земное.

Так я живу и тихим гневом зол
На то, что столько нам ещё бороться,
Чтоб каждый в сердце каждого вошёл,
Облитый светом утреннего солнца!

* * *

Незабудки голубеньким снегом
На зелёном лугу вновь и вновь
Вопрошают: “Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?”

И прохладят любимым, далёким
С детских лет. Вот уже потому
Эту весть о покое высоком
Принимаю один к одному.

Здесь, где северный ветер наводит
Облаков необъятную мощь

И просёлок, петляя, уходит
В занавесы редящих рощ,

Слёзы смоят безумство и важность...
Всемогущий! На лике земли
Ты прости и хоть в малую тварность
На исходе пути посели.

Незабудками, веточкой вербы
Наши души проклюнутся вновь,
Вопрошая: “Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?”

* * *

Как остро чувствуют глаза:
Над крышами нависла нега,
Собачий лай и голоса,
Воскресшие от хлопьев снега.

Герани поздней алый ком
В окне. Забота утро будит.
Уже за ранним молоком
Спешат с бидончиками люди.

И там, где замирают дни,
Высокое тревожит слово.
Как будто детство пронесли
Охапкой сена молодого.

* * *

Если станет с деньгами получше,
Не в Москву, не в Париж и Берлин,
Я уеду скорее в Урумчи.
Загляну к русской Нине в Инин.

Может, там отмеряют полозья
Санний путь за потаем потай.
Там в суровом полынном межзвёздье
В такт Вселенной вздыхает Китай.

Я не стану для Родины грузом.
Я не буду вымаливать мзду,
Но, как женщину, русскую музу
От разбойных людей уведу.

Будут плыть облака, будут ветры
Тополя серебристые сечь.
В лунных сумерках яшмовой флейтой
Будет слышаться русская речь.

Оглянусь я на дали и шири:
Не возмёшь Томь блестящую впрок,
Что течёт в притаёжной Сибири,
Где шахтёрский стоит городок.

Там разрезы, там шахты и штольни,
А горняк только славою сыт:

За копейки из преисподней
Выдаёт на-гора антрацит.

И всегда время подлое в силе.
Горький плач там и скрежет зубов.
Помню день: из домов выносили
В раз шестнадцать шахтёрских гробов.

Резанул мужиков взрыв кинжальный.
От железа осталась труха.
И на лицах погибших лежали,
Как на ликах святых, воздуха.

Что за мною: судьба ли, судьбина?
Только крест свой несу не один.
Ты жена — дочь шахтёрская, Нина.
Даст нам Бог, доберёмся в Инин.

Небеса сеют снежной порошей.
Вот Берёзовский город возник.
Ты со мною, кулёма-матрёша,
Ненаглядный мой снеговик.